

Александринский театр. Щепкин на петербургской сцене

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

На прошлой неделе, когда дилетанты приходили в восторг от "Отелло", исполняемого на Большом театре,-- в Александринском, в последний день октября, в бенефис г. Каратыгина 2-го, публика прощалась с знаменитым московским артистом Щепкиным, которого она успела полюбить так горячо в короткий срок пребывания его в Петербурге. И как прощалась она?.. Надобно было присутствовать при этом, чтоб видеть торжество гениального артиста и умиленное выражение привязанности к нему публики. Еще в начале спектакля, в возобновленной пьесе "Ссора, или Два соседа"¹, публика приняла Щепкина, превосходно выполнившего роль Вспышкина, с необыкновенным радушием и восторгом; но когда наконец в последний раз поднялся занавес и начались сцены из "Наталки-Полтавки", восторг публики доходил до высочайшей степени... Каждый романс публика заставляла Щепкина повторить несколько раз. Когда же все, что заключалось в этих сценах, выбранных нарочно для Щепкина, было пропето и повторено и занавес должен был бы опуститься, Щепкин, тронутый и взволнованный, как бы поняв грустное чувство публики, задержал еще на мгновение минуту расставанья и запел эти восхитительные по своей простоте и грации куплеты из пьесы "Москаль-чарывник", которыми в течение своего пребывания в Петербурге постоянно приводил в восторг публику... Невозможна описать восторга благодарных зрителей. Едва только Щепкин окончил последний куплет, как громкие рукоплескания и восклицания: "браво! фора! bis!" загрели со всех сторон, и потом вдруг все смолкло, и в театре сделалось так тихо, что можно было слышать малейший звук. Щепкин снова пропел этот романс -- и опять театр загремел рукоплесканиями и криками "браво" и "фора"! И опять ему должно было петь. По окончании романса в третий раз рукоплескания и крики одобрения не умолкали по крайней мере в течение пяти минут. Оглушительен был восторженный крик этой тронутой и взволнованной массы, наполнявшей театр сверху дониза. Наконец занавес опустился; начались вызовы. Надобно было не быть в театре в этот вечер, чтоб не умилиться до глубины души сценою, которую мы сейчас опишем. Семь раз опускался занавес и семь раз поднимался снова; семь раз уходил и снова являлся тронутый артист перед публикою, встречаемый и сопровождаемый громкими криками и рукоплесканиями. Вся публика встала с своих мест, но никто не думал идти из театра: каждому хотелось хоть сколько-нибудь воздать гениальному артисту за наслаждения, которые он щедро расточал зрителям; каждому жаль было, что, быть может, долго уже не придется увидеть Щепкина на петербургской сцене, и каждому хотелось хоть на секунду остановить время расставанья. Но нельзя же было вызывать до утра: сцена вызовов уже и так продлилась за полчаса; надобно было кончить, дать отдых собственным рукам, собственным чувствам, дать отдых артисту, которого все это не могло порядочно не измучить, потому что сильное торжество так же утомляет, как и сильное горе.

Торжество Щепкина было таково, какие редки вообще, еще более редки в сфере русского драматического искусства, и тем более оно замечательно, что было вполне заслуженное. Щепкин своим пребыванием в Петербурге сделал решительный переворот на русской сцене. Посещение его будет долго памятно, потому что бросило семена, которые не могут не принести плодов. Одно уже то, что Щепкин, слухами о своем необыкновенном искусстве и даровании, которые блистательно оправдывались на деле, заставил посещать Александринский театр тех, которые давно уже не посещали его,-- чего-нибудь да стоит. Сверх того, Щепкин произвел благотворное влияние вообще на публику Александринского театра, приблизив ее к настоящему понятию о том, что такое драматическое искусство и что такое истинный актер. А публика Александринского театра, должно признаться,-- была далека от истинного понятия о таких вещах. В понятии ее существовали и существуют доныне два рода артистов -- *трагические* и *комические*. Поэтому при появлении на сцене г. Каратыгина 1-го она считает непременно своею обязанностию -- приходиться в ужас и восторгаться; при появлении г-на Мартынова, напротив, она непременно готовится хохотать, потому что убеждена, что он, как актер, по ее понятиям, *комический*, должен смешить. И долго бы еще оставалась она в этом убеждении, если б Щепкин несколько не поколебал его очень простым образом: при появлении его она не знала, и до сей поры не знает, какой он